

ОЛЕТ КРАСИН

КУКЛА В ВОЛНАХ

ПОВЕСТЬ

Олег Красин
Кукла в волнах

«Издательские решения»

Красин О.

Кукла в волнах / О. Красин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933189-2

Есть ли средство от одиночества и можно ли его найти в армии? Что важнее — дружба или любовь? Старший лейтенант Виктор Лихачев служит в одной из тыловых авиационных частей и ищет ответ на непростые вопросы. События в книге происходят в середине 80-х годов прошлого века, во времена генерального секретаря ЦК КПСС Черненко.

ISBN 978-5-44-933189-2

© Красин О.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кукла в волнах

Олег Красин

© Олег Красин, 2018

ISBN 978-5-4493-3189-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Лагерный аэродром, 20 км от Нижней Калитвы

Глава 1

«Одиночество не имеет границ, в толпе можно быть таким же одиноким, как и в пустыне, и это состояние зависит только от нас самих. Да, глубокая мысль!» – с иронией подумал я, лежа на солдатской койке, и затягиваясь сигаретой.

Койка была ничем не примечательной: панцирная сетка и железные спинки, окрашенные в салатный цвет. Этот цвет с давних пор стал неизменным спутником моей военной жизни. На кровати лежали подушка, матрац, заправленный постельным бельем, сверху синее шерстяное одеяло.

Мы жили в комнате, специально отведенной нам в бараке солдатской казармы, втроем: я, заместитель командира автороты по технической части Серега Терновой и химик батальона прапорщик Вова Приходько. Серега сладко дремал на соседней койке, а Вова Приходько, лежа на спине, читал газету «Красная звезда». Тихо шелестели переворачиваемые страницы. Прапорщик периодически задрёмывал и тогда шелест прекращался – с его стороны до меня долетало мерное сопение. Потом громкий звук, неосторожные стуки в казарме или чей-то голос за окном будил его, и чтение начиналось снова, причем, как я подозревал, с первой страницы.

«В армии одиночество имеет свою особенность, – продолжил, между тем, лениво размышлять я, – оно никогда не будет полным. Армия похожа на муравейник, где трудно представить одинокого муравья, они всегда что-то делают вместе: несут тростинку или гусеницу. В армии мы тоже служим вместе, тянем лямку и зависим друг от друга. Здесь выбирать не приходится!»

Жаркое июльское солнце, словно огнем сковородку, накалило черепичную крышу нашего барака, как, впрочем, и других помещений военного городка. Лагерный аэродром, где мы тащили службу, затерялся в степи, примерно в двадцати километрах от города Нижняя Калитва в Приазовье. В лагере было пять фанерных бараков с казармами для солдат, техников летчиков, штабное помещение, библиотека, столовая. Отдельно располагалась караулка. Ближе к аэродрому находился автопарк с авиационной техникой и склад горюче-смазочных материалов.

Горячая крыша, тонкие фанерные стены, степной воздух – жаром веяло отовсюду. Бетонные плиты аэродрома грели воздух так немилосердно, словно мартеновская печь плавилась сталь в тысячеградусном огне. Только в отличии от стали воздух не стекал вниз, а сизыми слоями стелился над плитами, струился вверх как в пустыне, своими колебаниями создавая ощущение миража.

Я вытер несвежим полотенцем мокрое от пота лицо.

– Витек, пива не осталось? – нарушил тишину Сергей. Он лежал все также, не открывая глаз. В окно билась назойливая муха.

– Утром все выпили, – лениво ответил я.

Терновой потянулся, затем достал сигарету и закурил. Я заметил на его лице довольную улыбку. Только два обстоятельства, известных мне, могли послужить причиной хорошего настроения зампотеха. Во-первых, тот недавно вернулся из отпуска, который проводил в Челябинске и приятные воспоминания еще не затерлись пресными армейскими буднями. Во-вторых, он женился и молодую жену привез с собой, поселил в Нижней Калитве на съемной квартире. Там она ожидала его по вечерам после полетов.

– Представляешь, – сказал Сергей, выпуская струйку дыма, – захожу на челябинском вокзале в туалет, а перед этим выпил два пузыря пива, и стало прямо невмоготу. Встал, делаю свое дело, а тут, рядом какой-то мужичок вертится. С одного бока подошел, с другого, что-то бормочет...

– А чего хотел-то? – поинтересовался я.

Терновой усмехнулся:

– Да ты слушай. Мужичок тот ходил, ходил, а потом говорит: «Какое богатство!» и хватя руками за причиндалы. Оказался педик!

– Ну а ты что?

– Что, что? Двинул по морде!

– А я думал, получил удовольствие, – подключился Вова Приходько, и его физиономия проявила неподдельный интерес. Он поправил очки, отложил газету в сторону. – А что у тебя действительно такой большой? Как у лошади?

– Ну, – Сергей фыркнул и его кровать сотряслась от смеха, – мне хватает, Вова.

Приходько ехидно прищурился.

– Давай-ка уточним в сантиметрах. Если, допустим, двадцать, то гадом буду, пробегу вокруг казармы без трусов.

– Что я тебе, замерял что ли? – удивился Терновой. – Делать больше нечего! Главное, Вова, девчонки были довольны...

– Так мы сейчас и замерим!

Прапорщик взял с солдатской тумбочки, на которой лежали ручки и тетрадки для политзанятий, деревянную линейку и потянулся к ширинке зампотеха, но Терновой не спешил расстегивать штаны. Он смеялся и отталкивал руку Приходько.

Я с улыбкой смотрел на их дурачества – это было хоть какое-то развлечение от безнадежной скуки в нашей серой военной жизни. У Куприна офицеры от безделья хлестали водку. А мы? Мы – дурачились.

Однако замер гениталий зампотеха произвести не удалось. В комнату заглянул командир аэродромной роты капитан Косых. Его высокая фигура застыла в проеме двери, впуская раскаленный уличный воздух. Командиру было лет под сорок, но лицо от чрезмерного употребления спиртного обрюзгло, тело приобрело некую грузность, характерную для любителей крепко выпить и закусить.

– Чем это вы тут занимаетесь? – недоуменно поинтересовался он, оглядывая наше пристанище мутным, неясным взглядом.

– Командир! – быстро нашелся прапорщик, – мы готовимся к политзанятиям. Вон и замполит подтвердит, – он кивнул в мою сторону.

Косых, как все большие люди, был добряком, которых обычно сложно разозлить. Правда, бывали исключения. Рассказывали, что, когда он служил в Польше и зашел после полетов в один из кабачков к нему пристал кто-то из местных жителей, видимо сторонник «Солидарности». Поляк принялся ругать первого попавшегося ему русского разными нехорошими словами. Косых долго терпел, а потом врезал поляку так, что тот пролетел через небольшой зал, попал в туалетную кабинку и сломал унитаз.

Конечно, потом пришлось отвечать. В течение двадцати четырех часов капитана выслали из Польши – он попал служить поначалу в Калужскую область, а затем перевелся в нашу часть.

– Выпить не найдется? – спросил командир роты, переступив, наконец, порог комнаты и закрыв за собой дверь.

На одной из тумбочек стояла трехлитровая банка с разведенным спиртом – тридцатником, плотно закрытая полиэтиленовой крышкой. Огненная жидкость в полку употреблялась техниками как антиобледенитель и для протирки деталей. Обычно, в ход шел не чистый спирт, а разбавленный, содержащий крепость тридцать или сорок градусов. Соответственно в обиходе

он назывался тридцатником или сороковником. В жару, которая установилась с конца мая, мы его почти не пили.

Однако Косых, тяжело, по-медвежьи ступая, подошел к тумбочке, открыл банку, отчего комната наполнилась густым спиртным духом, и сделал несколько больших глотков. Крупный кадык на горле командира задвигался без остановки, как затвор пулемета, стреляющего длинными очередями. Когда он поставил банку на место, лицо его побурело, а небольшие глазки еще сильнее помутнели. Косых вытер пот со лба рукой и спросил у Тернового:

– Ты, когда дежуришь, сегодня во вторую смену или завтра в первую?

– Завтра в первую, Евгений Николаевич.

– Смотри, не проспи! – буркнул Косых. – Вставать рано!

На первую смену летчики, техники, солдаты, обслуживающий персонал, поднимались в четыре часа утра. Капитан по собственному опыту знал, что в такую рань тяжело продирать глаза, особенно если накануне хорошо поддать и пойти в гости к девушкам, жившим в соседних бараках.

Толстая муха перестала биться в стекло и села на запылившийся фотопортрет генсека Черненко, висевший у меня над кроватью. Косых с какой-то непонятной неприязнью посмотрел то ли на муху, то ли на портрет руководителя страны, а потом ни слова не говоря, вышел из комнаты, впусив очередную порцию раскаленного воздуха.

Терновой, принявший с приходом старшего по званию сидячее положение, поскольку разговаривать с Косых барственно лежа на койке было несколько неудобно, снова лениво растянулся на кровати. Повернувшись ко мне, он спросил:

– Замполит на обед не пора?

И точно, часы приближались к заветной отметке. Я поднялся, надел старые армейские ботинки, валявшиеся под койкой. Приходько пошел с нами. Ели мы в разных столовых – они с Терновым обедали в технической, а я как замполит не только аэродромной роты, но и всей комендатуры¹, в летной.

Сегодня там было почти пусто за исключением одного-двух человек, обедавших за соседними столиками. Нас обслуживала официантка по кличке Пепси-кола – небольшого роста, худая девица с раскосыми глазами, похожая на якутку или представительницу другого северного народа. Насколько я знал, прозвище это она получила после того, как напилась со своими приятелями-технарями до бессознательного состояния. Те, шутки ради, вставили в ее интимное место пустую бутылку из-под популярного американского напитка, начавшегося производится на Новороссийском заводе.

Неизвестно кто обнаружил официантку в таком положении, то ли начальник комендатуры майор Шахно, то ли начальник столовой, но эта история благодаря их рассказу приобрела широкую известность.

Пепси-кола, она же просто Светка, принесла на выбор несколько первых блюд, а потом второе.

Женская часть нашего летного полевого лагеря была немногочисленной: поварихи, телефонистки, официантки, планшетистки², диспетчеры автопарка – вот, пожалуй, и все. Они носили воинские звания от рядового до прапорщика, но офицеров среди них не было. Еще имелась киномеханик Лидка, по совместительству библиотечкарь. Лида непосредственно подчинялась мне, поскольку я отвечал за культурный досуг всех обитателей полевого аэродрома. По средам мы выезжали с ней на кинобазу в Нижнюю Калитву за новыми фильмами и сдавали старые, уже просмотренные.

¹ Комендатура – части батальона аэродромно-технического обеспечения, выделяемые для организации полетов в лагерных (полевых) условиях.

² Планшетисты – военнослужащие на аэродромах, которые ставят метки на доске координат отслеживания воздушных целей.

Лидии было лет за тридцать, жила она легко и весело, не тяготясь семейным бременем. В моей работе она оказалась незаменима – могла организовать вечер в какой-нибудь роте с приглашением местных девчонок и, как массовик-затейник, вести развлекательную программу, а в случае необходимости и отремонтировать киноустановку.

Что касается секса, то с ней тоже было просто и удобно, поскольку с ее стороны почти никогда не бывало отказов. Командование батальона это знало и часто использовало Лидку во время приезда комиссий из училища или округа для ублажения проверяющих. У нас с ней сложились дружеские отношения.

Со стороны аэродрома раздавался постоянный гул взлетающих и садящихся самолетов – первая смена еще не закончилась. Легкие фанерные стены столовой сотрясались всякий раз, когда двигатели истребителей-бомбардировщиков СУ-17 проверяли на земле в режиме форсажа перед выруливанием на ВПП³. Они подавали голос, эти самолеты, гудели, жужжали и были похожи на больших серебристых пчел, вылетающих из улья прямо в огромное синее небо.

Я посмотрел в окно и увидел, как Лида, вместе с двумя телефонистками свободными от смены, шла на обед в техническую столовую. Резкие порывы ветра раздували их зеленые форменные юбки, норовя задрать выше колен. Они, придерживая их руками, о чем-то разговаривали и смеялись на ходу. Наверное, обсуждали мужчин. О чем они могли еще здесь поговорить в окружении трех сотен мужиков, оторванных на полгода от своих жен и подруг?

Хотя... Каждые две недели имелась возможность попасть домой на выходные, поскольку личный состав эскадрилий, базировавшихся на аэродроме, отдыхал поочередно. И тогда тяжелый транспортник АН-24 увозил счастливых домой, в Азовск, сопровождаемый завистливыми взглядами оставшихся. Но эти поездки не снимали остроту проблемы и при такой жизни бурно расцветали романы, которые во фронтовых условиях обычно называли военно-полевыми, а у нас, в отсутствие войны, наверное, их можно было смело звать военно-лагерными.

Я неторопливо доел котлету и стал пить компот, гадая, будет ли на дне этого мутного напитка какая-нибудь ягода типа абрикоса или, на худой конец, сливы. В это время в зал заглянула Лидка. Увидев меня, она подошла ближе.

– Витя, когда поедем за фильмами? – нога Лидии как бы невзначай прикоснулась к моей.

Обычно мы с ней, по выражению Жванецкого, «ночевали днем» в ее комнате за библиотекой. Панцирная кровать сильно скрипела, а фанерные стенки барака не могли обеспечить надежную звукоизоляцию, поэтому приходилось громче включать приемник. В течение всего лета по радио крутили песню, которую исполнял украинский певец Гнатюк. Он пел что-то начет барабанящей судьбы, а мы удовлетворяли друг друга под эту музыку без любви, просто от скуки, и звезды не пели нам свою нежную песнь, как заметил бы один поэт.

– Заявка на машину подана на завтра, приготовь коробки с фильмами, – ответил я, поднимаясь из-за стола. – Вечером, что будешь показывать?

– Новый французский фильм «Троих надо убрать» с Аленом Делоном.

– Хороший фильм. Я его уже посмотрел в Азовске.

Сильный порывистый ветер на улице поднял в воздух пыль вместе с мелким желтым песком из песчаного карьера, который разрабатывался неподалеку от нас. Ветер разносил по степи типичные аэродромные запахи: нагретого солнцем металла автотехники и сгоревшего в самолетных двигателях керосина. Из автопарка тянуло горьким дымком от разогретой на огне смолы, называвшейся изолом. Им обычно заливали швы между аэродромными бетонными

³ ВПП – взлетно-посадочная полоса.

плитами. Запахи донской степи, так любовно описанной в свое время Шолоховым, до нас совсем не доносились.

Я пошел в сторону автопарка, дорога была безлюдной. Тяжелый раскаленный воздух застыл синеватым маревом, поглощая все окружающие звуки. В этот промежуток времени полеты прекратились – у всех начался обед, и установилась удивительная непривычная тишина, такая, словно ты один в этом мире и никому нет до тебя дела, а тебе до всех остальных.

Такое чувство возникло у меня лишь однажды, когда в полдень я шел по старому заброшенному кладбищу, расположенному в центре города, где вырос. Там также было тихо и безлюдно. Ярко светило солнце, кресты и памятники на могилах отбрасывали короткие тени. На деревьях застыли, словно на фотоснимках, беззаботно щебетавшие до этого птицы. Не было слышно ни звука, хотя я знал, что в сотне метров от кладбища в домах жили люди, по дорогам неслись машины, в небе пролетали самолеты, но здесь, в центре кладбища стояло жуткое безмолвие.

Тогда я невольно ускорил шаг и вышел за черту старых захоронений, вновь окунувшись в живой мир.

Та тишина вызвала ассоциации с этой, и я тоже заспешил, словно торопился скорее прокинуть сонмище мертвых. «Тьфу, какое сравнение!» – мелькнуло в голове.

Дойдя до ворот автопарка и удивляясь внезапно пришедшим воспоминаниям, я достал из кармана пачку сигарет, на которых был изображен самолет «Ту», и не торопясь закурил. Зеленая краска на металлических воротах облетела в нескольких местах, и только красные звезды, несмотря на покрывшую их густую пыль, смотрелись прилично. «Надо бы ворота подкрасить, – рассеянно отметил я, пытаясь переключиться на другое, – а то приедет какая-нибудь очередная комиссия и сделает втык».

Но... Затем я подумал, что мне незачем забивать голову всякой чепухой – хозяйственные дела лежали на старшине и командире роты, вот пусть Косых и занимается. Не зря в авиации существовала своя градация: летчики – это была голубая кровь и белая кость, такие офицеры как я – белая кость и красная кровь. Ну а технари – черная кость и красная кровь.

Какая-то для истины здесь была. Техники работали от темна до темна на старте, независимо от погоды, глохли от шума реактивных двигателей, дышали воздухом, пропитанным сгоревшим авиационным керосином. За это они получали гораздо меньшую зарплату, чем летчики и те же замполиты, а карьерные перспективы были нулевые. Увидеть проводы уходящего на пенсию раздобревшего и лысого техника капитана было в полку самым обычным делом.

В автопарке кипела своя жизнь. Несколько прапорщиков в синих, не первой свежести техничках⁴ сидели в курилке под растянутым сверху оранжевым куполом парашюта, который давал хоть какую-то тень и трепались, как принято выражаться, за жизнь.

На заборе автопарка, в дальней стороне сушились солдатские куртки и брюки, потерявшие от частых стирок свой естественный зеленый цвет и принявшие какой-то бледно-зеленый оттенок, как у незрелых гороховых стручков.

Чтобы не возиться с мылом и водой солдаты стирали свое обмундирование в ведрах с бензином. Мы, конечно, их ругали и категорически запрещали делать это, поскольку в войсках имелись случаи возгорания одежды, но, как известно, наш человек очень упрям и все хочет познать на своем опыте. Кажется, Чехов писал в записных книжках, что Россия – это большая равнина, по которой носится лихой человек. Вот такие лихие люди и попадали в армию, причем, в очень больших количествах.

В небольшом домике автопарка, куда я зашел, в одной комнате находился кабинет командира автороты, а в другой сидела диспетчер и выписывала путевые листы на транспорт. Как

⁴ Вид одежды, выдаваемой техникам самолетов и военнослужащим вспомогательных подразделений.

и все девушки на аэродроме она была солдаткой, и звали ее Наташей. На ней была обычная темно-синяя техничка, на ногах белые кроссовки. Она имела вид строгой, неприступной девушки, но темно-синие глаза её были веселыми.

Рядом с ней стоял большой цинковый бак с водой и привязанной к ручке алюминиевой кружкой. Мне ужасно хотелось пить, но я себя удержал, по опыту зная, что потом захочется пить еще сильнее.

– Где командир? – спросил я Наталью.

– Поехал на полеты, посмотреть все ли в порядке.

– Ну, как тебе новый зампотех? – поинтересовался я ее мнением о лейтенанте Терновом.

– Да ничего, только немного нахальный.

Наташа встряхнула каштановой прядкой волос и отчего-то слегка покраснела, что не укрылось от моего взгляда.

«Ладно, – подумал я, – не хочет говорить – не надо! Только интересно, что могло смутить Наташку? Она ведь привычная ко всему. Надо спросить у Сергея».

Можно было, конечно, и не интересоваться. Спрашивается, кому какое дело кто с кем спит, и кто кому нравится? С другой стороны, как замполит я отвечал за воспитание подчиненных и к тому же, у моего любопытства были причины. Однажды подруга Натальи, тоже солдатка, после бурного романа с прапорщиком выпила кучу таблеток и отравилась – еле откачали. Замполиту комендатуры, а им тогда был замполит другой роты, поставили на вид, что он не интересуется и не знает, чем живут военнослужащие подразделения. Поэтому, волей-неволей приходилось быть в курсе романов обитателей военного городка.

В это время дверь в комнату открылась, и вбежал небольшого роста солдатик, который ездил у нас на дежурной машине.

– Товарищ старший лейтенант, на аэродроме ЧП, командир роты просит вас приехать! – выпалил он разом.

– А что стряслось?

– Не знаю!

Быстро забравшись в «Урал» со специальным оборудованием, я поехал к месту стоянки автотехники на аэродроме, где обычно располагался дежурный прапорщик от батальона обеспечения.

До аэродрома было недалеко. На старте, рядом со спецмашинами, стояла группа прапоров с командиром автороты в центре. Спрыгивая на бетонку из кабины, я услышал, как тот взволнованно рассказывал окружающим: «Паша Безродный что учудил: взлететь – взлетел, выполнил задание, а потом при возвращении забыл выпустить шасси. Хорошо в подвесных баках уже не осталось керосина! Вот вам и летчик первого класса! Хлопнулся прямо на брюхо».

– Да! – осуждающе закивали головами прапорщики, словно они были членами комиссии по расследованию аварии.

– А как же он сел? – поинтересовался старшина моей аэродромной роты прапорщик Винник, вечно бурый от употребления спирта, упитанный человек небольшого роста, с рыжими обвислыми усами.

– Как-как! – усмехнулся в чернявый ус комроты. – Каком кверху. Подвесные баки были пусты, вот он на них и плюхнулся и пропахал почти километр. Искры летели с кулак. Думали, взорвется, но все обошлось. Теперь, – он посмотрел на меня с усмешкой, – аэродромщикам работы.

Взлетка – мой объект, и поэтому я, чертыхаясь, что придется повозиться с уборкой аэродрома, вместе с Винником поехал на ВПП. В полосе приземления мы увидели длинный, тянувшийся на несколько сотен метров белесый след, получающийся, если скрести по бетону железом, а по его краям в некоторых местах виднелись пятна копоти. В воздухе стоял острый запах

горелой резины и керосина. Самого самолета на полосе уже не было, его уже увезли на ремонт в ТЭЧ⁵ полка.

Винник с солдатами занялся уборкой полосы, а в нашей комнате, куда я вернулся с аэродрома, Приходько уже заканчивал рассказывать Терновому о происшествии. День постепенно уходил, и низкое солнце отражалось бликами в стеклах барачков. Я решил сменить тему и небрежно, словно не придавая этому большого значения, спросил зампотеха:

– Что у вас там с Натальей?

Терновой заметил мою хитрость, улыбнулся:

– Просто сказал ей, что приду вечером в гости, ну... чтобы она готовилась.

– Что прямо так и сказал: «Вечером перепихнемся»? – усомнился Приходько. Он прищурился, вены на его лбу вздулись.

– Не так грубо, Вова, но мысль уловил. С бабами надо так: раз и в дамки. Чего играть в кошки-мышки?

– Но... как же жена, ведь она тебя ждет вечером? – удивился я.

– Позвоню и скажу, что сегодня дежурю, – не смутился Сергей, – никаких проблем не будет, Витек.

Оживившись от такой новости, Вова Приходько поднялся с кровати и, потягиваясь, прошелся по комнате.

– Какие у нас зампотехи, однако, – весело заметил он. – Палец в рот не клади. Прямо гроза женского пола! – и со смешком процитировал всем известный армейский стих:

Ну а в роте, для потехи

Существуют зампотехи.

Кто поднялся раньше всех?

Х..й, петух и зампотех,

Х..й – поссать, петух – пропеть,

Зампотех – машину греть.

– Очень смешно! – скривился Терновой, которого эти стишки, видимо, задели за живое.

Что поделать, если в армии любили подшучивать над разными военными званиями и специальностями! Доставалось зампотехам, пожарникам, врачам, ефрейторам и прапорщикам. Замполиты в этом отношении тоже не были исключением. Например, в армии говорили: «Замполит рот закрыл – рабочее место убрано». Но я, в отличие от Тернового, не обижался.

Кстати, по неизвестной мне причине я чувствовал симпатию к зампотеху. И не потому, что он выглядел как супермужчина или по чему—то другому – такое часто бывает на бессознательном уровне – человек может сразу понравиться или, наоборот, возникнет антипатия, с которой ничего не поделаешь. А может быть и существует своего рода магия имени. Например, я заметил, что все Сергей, которые мне встречались с раннего детства, неизменно становились у меня друзьями или приятелями.

– Не сыграть ли нам в карты? – предложил я.

– А что, можно! – согласился Терновой.

Мы достали из тумбочки початую бутылку коньяка, поскольку разведенный спирт порядком надоел, и сели вдвоем играть в карты. Играли не на деньги, а так – на интерес.

⁵ ТЭЧ – технико-эксплуатационная часть, служащая для проведения регламентных и ремонтных работ на авиатехнике.

Глава 2

– Некоторые мужчины почему-то думают, что в постели они могут достать до сердца женщины, – глубокомысленно заметила Лида, лежа на кровати рядом со мною. Она взяла с тумбочки сигарету и затянулась, пуская сизоватый дым в потолок. – Конечно, женщине может нравиться перепих, но для любви этого мало.

– Вообще-то я и не рассчитывал проникнуть так далеко, – пришлось парировать мне. – У меня скромные потребности.

– Вот-вот, у вас у всех так – в первую очередь потребности, а чувства во вторую.

– Ты случайно не изучала курс философии в институте марксизма-ленинизма? – шутливо поинтересовался я.

– Да нет, разве что философию в будуаре, – Лида посмотрела мне в лицо своими темными карими глазами и загадочно усмехнулась. – Впрочем, – она повела пальцем по моей голой груди, – мои рассуждения к тебе не относятся.

– Это насчет мужского хозяйства и женского сердца?

– Именно, – она взглянула на часы, – пора заряжать аппарат. Будешь смотреть киношку?

– Пока не знаю, наверное, буду. Все равно делать нечего.

На улице уже стемнело. На столбах вдоль дороги зажглись фонари, осветившие шиферные крыши бараков неровным желтым цветом. Вокруг них вились мошки, тыкаясь и прилипая к горячему стеклу лампочек. Было душно.

В столовой лётного зала под вечер народу все прибывало и прибывало. Ужин разносила Наталья Алексеевна или попросту Алексевна. Небольшого роста, круглая как шарик, она почему-то пользовалась невероятной популярностью у летчиков, словно была супермоделью. Еду на подносе официантка разносила, игриво улыбаясь, и показывая золотые фиксы на зубах. Она раздавала тарелки с незамысловатыми шутками-прибаутками, порою грубыми. Алексевна имела шестерых детей и мужа алкоголика.

Продолжая широко улыбаться, она подкатила с подносом ко мне, но на меня её чары не действовали.

Получив тарелку с котлетой и гречкой, и еще раз оглядев фигуру удалявшейся Алексевны, я подумал: «Неужели мужикам от выпитого спирта становится все равно с кем и как? Вот мне, например, не все равно, сколько бы я не принял на грудь. Если только в бессознательном состоянии?»

Наверное, я рассуждал ошибочно, примеривая всё на себя. Живым опровержением моих мыслей был сидевший за соседним столиком Юра Ющенко – комсомолец полка. Про него говорили, что он как настоящий комсомольский вожак пьет все, что течет, трахает все, что движется.

Выпустившись из училища и поступив в полк, Ющенко, как активный товарищ, тут же влился в местную жизнь и быстро сошелся с молодыми техниками. Народ был весь молодой, горячий, любитель экспериментировать на любовном фронте.

Услышав где-то о сексуальных подвигах некоторых особей мужского пола, они решили вшить себе маленькие металлические шарики в свое мужское хозяйство. Так сказать, для твердости духа. Шариков от подшипников в ТЭЧ хватало, причем разных калибров. Не знаю точно, проделал ли себе кто-то подобную операцию или нет, но Ющенко точно сделал, и у главного комсомольца началось воспаление этого наиважнейшего мужского органа. Об этом он не преминал пожаловаться мне несколько раз.

Ющенко долго бегал на лечение к одной молоденькой врачихе, избавляясь от результатов своих неудачных экспериментов. Однако, как говорится, нет худа без добра – на его аппарате остались шрамы, которые, как хвастался наш комсомолец, очень нравятся дамам.

«Да, – подумалось мне, – тут не до воспитательного процесса в духе идей марксизма-ленинизма. Парадокс в том, что люди, которые должны были быть действенными носителями этих идей, были от них бесконечно далеки». И я вспомнил в качестве примера замполита полка подполковника Кафтанова. Мне однажды рассказывали байку, как он воспитывал молодых, в чем-то провинившихся летчиков. «Чем вы тут занимаетесь? – распекал он их. – Беспорядки нарушаете, водку пьянствуете? А кто будет Родину защищать? Я что ли? На хрен она мне нужна!»

Пожалуй, из-за таких людей отношение в армии к замполитам было негативным. Нас считали бездельниками, которые активно вмешиваются не в свои дела, согладаясь, докладывая наверх о любом проступке командиров или личного состава. Мы, по мнению многих, казались ненужным звеном в армейской системе, звеном, которое можно было бы легко и безболезненно удалить.

Когда я после ужина вернулся в комнату, то увидел лежащего на койке Приходько. Володя о чем-то размышлял, закинув руки за голову и близоруко щурясь на горевшую в потолке запыленную лампочку.

– В кино пойдешь? – спросил я.

– Не знаю, – пробормотал Приходько, все еще оставаясь во власти своих дум.

Потом он медленно перевел взгляд на меня. Прапорщик был старше лет на десять, ранняя лысина уже отметила его темя, а на кончике носа после тридцати появилась родинка, как будто кто-то поставил там маленькую точку. Может господь бог, в которого я не верил?

– Ты знаешь, что такое апатия? – внезапно спросил Приходько и лукаво улыбнулся.

– У тебя что ли? – решил уточнить я.

– Может и у меня.

– И что же?

– Апатия – это отношение к половому сношению после сношения, – Приходько громко засмеялся. – Слышь, замполит, а наш Серега сегодня задаст жару Наташке, меня прямо разбирает как Андреича в Азовске. Представь, захожу к нему как-то на свинарник. Ты знаешь его? Это сторож, ему уже за пятьдесят. Подхожу к его домику, а он ходуном ходит и раздается кряхтение. Что за черт, думаю? Заглядываю в дверь, а там Андреич на сундучке жарит тетку, которая ухаживает за свиньями, не помню, как зовут.

– Молодая?

– Да где там, таких же лет, как и сторож. Я отошел в сторонку и подождал, а после спросил у Андреича, с чего их так разобрало. Тот рассказывает, что они вместе с Верой Анисимовной, так, оказывается, звали тетку, подошли к забору на свиней глянуть. А там хряк дерет матку со всей пролетарской ненавистью, аж брызги в стороны. Ну, Андреич с Анисимовной смотрели-смотрели на это дело, потом ему тетка и говорит: «Ох и жарит хряк, аж дух захватывает», схватила нашего сторожа и потащила в сторожку.

– Это ты к чему рассказывал? – поинтересовался я. – Хотел показать воспитательную силу положительного примера?

– Нет, это я о Сереге. В кино неохота, пойти, что ли к телефонисткам, а то скучно, аж челюсть сводит.

Мне тоже расхотелось идти в кино, я лег на койку и отвернулся к стене. Еще один день прошел. Все одно и то же. Тоскливое настроение овладело мною и вдруг подумалось, что это мое состояние возникло, оттого что я никого не любил. Но ведь окружающие меня люди тоже

не особенно влюблены – живут обыденной жизнью, обрастая, как камни мхом, необязательными отношениями, случайными связями.

Хотя, как говорят наши связисты: «Самая надежная связь – половая». Да и вообще, что такое любовь, чувства? Так, отвлеченные понятия, пустые слова, часто произносимые всуе. Их вообще много – пустых слов, которые мы говорим, просто река пустых слов, размывающая берега сознания.

Совсем незаметно для себя я задремал.

Утром в комнате появился Терновой. Осунувшееся лицо, синие круги под глазами говорили о бессонной ночи, которую он провел, видимо добившись своего от Натальи. Приходько в это время уже проснулся, потирая рукой, изрядно помятую сном физиономию. Увидев зампотеха, он спросил чуть хриплым голосом:

– Ну как удачно?

– Лучше некуда, так скакали, что я чуть с кровати не упал.

Меня почему-то неприятно задели слова Сергея, и я пробурчал:

– Нельзя ли без подробностей.

– А что такого? – удивился Терновой. – Обыкновенное дело: или баба двигается, или лежит как бревно. Будто не знаешь!

Он взял с тумбочки свое полотенце и, на ходу расстегивая рубашку, пошел умываться.

– Везет же людям! – задумчиво произнес Приходько, медленно поворачиваясь на другой бок.

Вернувшись, Сергей энергично до красноты растер свой мускулистый торс полотенцем, брызнул на себя одеколоном «Консул», появившемся в этом году на прилавках магазинов, и быстро пошел к ожидавшей его машине, чтобы поехать на полеты. Сегодня он был дежурным по АТО⁶ или, как у нас шутили, дежурным по НАТО.

Аэродром медленно, как бы нехотя, просыпался, словно человек, которому надо рано вставать и собираться на работу. На старте басовито гудели движки самолетов, заработали машины, которые за ночь остыли и теперь требовали прогрева. Начинался очередной полетный день в длинной череде таких же дней. Немолчный гул аэродрома стоял в моих ушах, как морской прибой, утихая только на ночь. Запахи керосина, солярки, нагретого на солнце металла становились такими привычными, что, казалось, я с ними родился, и вместе с ними будут умирать.

В дверь постучал дневальный.

– Товарищ старший лейтенант, – обратился он, – вас замполит батальона к телефону.

– Сейчас подойду! – ответил я, гадая, для чего так рано понадобился майору Крутову.

– Ну что, проснулся? – как-то чересчур оживленно для такого раннего времени поинтересовался на другом конце провода начальник. Связь была плохая, чисто военная, поэтому мне приходилось переспрашивать.

– Давно проснулся, товарищ майор, уже сходил на подъем подразделения.

– А где бойцы?

– Кто?

– Бойцы, спрашиваю, где?

– А-а... ушли на проческу аэродрома, – ответил я.

– Ладно! – Крутов помолчал мгновение. – Слушай, к тебе едет проверка из округа. Будут смотреть политзанятия, поэтому отбери приличных бойцов и проведи все на уровне.

– А кто едет-то?

⁶ АТО – аэродромно—техническое обслуживание.

– Майор Кошевой – комсомолец из политотдела ВВС округа. Не помню, как его зовут, но ты узнай у Ющенко, и вообще, порасспроси что это за парень. Организуй все, чтобы без сучка и задоринки. Посиди с ним, спирт, надеюсь, найдешь?

– Что?

– Спирт найдешь?

– Спирт? Найдем как-нибудь. У старшины возьму!

– Да, ещё поговори с Лидой.

– С кем, с кем? – удивился я, подумав, что спросонья не расслышал имени.

– С Лидкой. Сам понимаешь, может это дело понадобится.

Я поморщился. Такие поручения были не по мне, тем более, что наш киномеханик в юбке в последнее время не очень охотно ложилась с проверяющими в постель. Значит, нужно уговаривать. Замполит, видимо, уловил мои колебания.

– Если будут с ней сложности, – он кашлянул в трубку, – скажешь, что я её очень просил и еще, ее рапорт о предоставлении жилья мы рассмотрим в ближайшее время.

Чертыхнувшись, я положил трубку. Но, тут же прозвенел звонок.

– Это «Болгарка-8», разговор закончен, – деловито сообщила телефонистка.

– Я и так знаю! – коротко ответил я.

Телефонистка отвлекал меня от мыслей о Крутове. «И почему в воинских частях у телефонисток всегда такие странные позывные? – подумал я. – У нас „Болгарка“, в одной из частей училища „Финка“. В Азовске вообще „Верстак“, хорошо хоть, не „Станок“. Наверное, всему виной буйная фантазия начальников-связистов, которым хочется разнообразить скучные армейские будни».

Я неторопливо начал одеваться – придется идти и готовиться к политзанятиям. Надо подобрать подходящие тетради солдат, имеющих хоть какие-то записи, выдернуть с полетов бойцов, которые на проверке смогли бы промывать что-нибудь членораздельное о странах Варшавского Договора и блока НАТО. Короче, придется делать все обычные телодвижения, которые мы, политработники, делаем в таких случаях.

Батальоны обеспечения в авиации обычно комплектовались по остаточному принципу. К нам не попадали ребята с высшим образованием или с техникумами. В большинстве своем это были парни из деревень, нередко весьма отдаленных. Особые проблемы вызывали представители средней Азии и азербайджанцы, которые почти не разговаривали по-русски. Зато в первые дни пребывания на службе они быстро осваивали русский мат.

В мою аэродромную роту попадали не только такие, я бы сказал слабообразованные бойцы, но и штрафники после отсидки в дисциплинарном батальоне. В общем, контингент был еще тот.

О проверяющем следовало доложить по команде начальнику комендатуры майору Шахно. Наш местный начальник зачастую не ночевал в Нижней Калитве, а оставался в лагере, где у него была любовницей одна из телефонисток, про которую все тот же пошляк Приходько говорил, что она трахается, как швейная машинка.

Шахно открыл мне дверь заспанный, с таким же помятым лицом, как ранее проснулся Приходько. У него было непонимающее лицо, спутанные черные волосы на голове. Из-за спины майора виднелась кровать с красным одеялом, под которым еще спала телефонистка. Из-под одеяла торчала ее желтовато-розовая пятка.

На спинку, стоявшего возле кровати стула, были небрежно кинуты зеленая форменная юбка с рубашкой, сверху – белый лифчик. Все эти подробности я успел рассмотреть в одно мгновение.

– Что такое? – спросил Шахно, выходя в коридор и обдавая меня волной водочного перегара.

– Проверка едет из округа, – сообщил я. – Сейчас Крутов звонил. Проверять будут политзанятия.

– Так... офицеров и прапорщиков тоже? – Шахно сделал вид, что озаботился, но я почувствовал, что ему не терпелось вернуться назад, в комнату, подальше от всех этих аэродромных забот.

– Нет, одних бойцов. Мне надо человек пятнадцать в сводную группу. Придётся брать их из разных рот, потому что у себя я столько умных не наберу.

– Кто будет проводить занятия? Мне нужно участвовать?

– Думаю, вам нет необходимости. Проведу я или Приходько, определимся по ходу дела.

– Хорошо! – Шахно шагнул к алюминиевому баку, набрал кружку воды и жадно ее вылакал, – скажи командирам рот, что я дал команду. Забери кого нужно, только полеты не сорви!

Получив разрешение начальника комендатуры, я задумался. В моей роте было несколько ребят, на которых можно положиться. Кое-кого следовало взять из автороты, но на роту охраны надежда слабая – личный состав почти весь в карауле, а когда свободен – отдыхает в казарме.

Я позвонил в автопарк и сообщил Терновому:

– Сережа, тут намечается проверка политзанятий из округа. Передай Приходько, пусть отправит мне бойцов и своего химотделения вместе с Пашей Толоконниковым, и ты дай несколько ребят, только сообразительных. Я жду их часам к десяти в ленкомнате. Командир дал добро забрать с полетов толковых бойцов.

Зампотех в ответ вздохнул, как это делают занятые люди, которых отрывают по пустякам от важной работы, но возражать не стал.

Итак, я снял фуражку, вытирая рукой вспотевший лоб, почти до пояса расстегнул технику, готовясь к нудной, утомительной работе. Передо мной громоздилась стопка тетрадей для политзанятий, практически всей комендатуры – около ста штук.

С неохотой принявшись за дело, я пролистывал их, отмечая наметанным глазом какие сгодятся, а какие будут забракованы. На страницах попадалась разное. Кто-то начинал писать письмо родителям, и оно осталось недописанным среди длинного списка угроз от американской военщины. Кто-то рисовал самолеты на полях страниц, а кто-то голых девушек.

Пригодных оказалось около двадцати. В них хоть что-то было написано, их и придется отдать своей «ударной группе». Выглянув в окно, я увидел, что солнце с утра, прятавшееся в толщу облаков, наконец, освободилось из их плена и начало опять немилосердно греть крыши барачков. Ветер в распахнутое окно донес запах керосина.

Цветной фотопортрет генсека Черненко, висящий в центре ленкомнаты на стене, пожелтел, был засижен мухами, и мне пришла в голову мысль, что это вызовет недовольство вышестоящего начальства. Порывшись в стопке плакатов, я нашел новый портрет руководителя партии и заменил им старый. Глянцевый, широкоскулый Черненко смотрел со стены и усмехался, словно хотел показать тщетность замполитских усилий – ведь все равно через несколько дней этот портрет также будет засижен мухами и быстро пожелтеет от ярких солнечных лучей.

Надо было разговаривать с Лидой. Пройдя в конец лагеря, я нашел ее на крыльце барака, в котором находилась библиотека и две стационарных киноустановки. Девушка неторопливо грызла семечки. Сильными порывами ветра шелуха, которую она вытряхивала из ладони, далеко разносилась вокруг. Солнце опять ненадолго спряталось в облаках.

«Прямо как в греческих трагедиях, – подумал я. – Сейчас грянет гром, и грозная физиономия Зевса выглянет из-за туч, а хор под руководством корифея затянет свою печальную песнь». Но гром не грянул, Зевс не выглянул и хор не запел, что позволило мне спокойно подойти к девушке.

– Лида, – сказал я, присаживаясь рядом, – тут такое дело... проверяющий к нам едет.

– Ну и что? – она пристально посмотрела на меня своими темно-кариими глазами, ее щеки тронул легкий румянец.

– Надо встретиться, как полагается, – продолжил я каким-то не своим, казенным голосом, – накрыть стол, посидеть вечером.

Лида о чем-то задумалась, и пауза затянулась. Я почувствовал себя крайне неловко, словно совершал что-то неправильное, постыдное, несовместимое с честью офицера. Может, это на самом деле так и было? Разве дело офицера, замполита, выступать в качестве сутенера? Вот наш комсомолец полка – тот, наверное, в этой ситуации был бы на своем месте. Я слышал, что он легко проворачивал подобные вещи, когда в полк приезжали с проверками. Достаточно было хорошенько напоить спиртом телефонисток.

– А что Витек, – спросила меня Лида, и в голосе её я услышал легкий укор, – спишь, значит со мной, а потом кому нужно подкладываешь? Карьеру что ли делаешь? Разрешение у начальства получил или свою инициативу проявляешь? А то смотри, у меня тело военное, оно функционирует только по команде.

Я почувствовал, как щеки мои запыхали.

– Крутов в курсе, – только и смог я сказать, а потом, чтобы хоть перевести разговор в другое русло и уйти от мучивших меня размышлений, добавил: – Он обещал рассмотреть твой квартирный вопрос вне очереди.

Лидия недоверчиво хмыкнула.

– Уж сколько обещано было, не счесть... Ладно, замполит, вечером буду. Только все остальное за тобой, – девушка отвернулась и демонстративно стала смотреть в сторону, показывая, что ей со мной больше нечего обсуждать.

Медленно поднявшись с крыльца, я пошел в ленинскую комнату. Оглянувшись через плечо, посмотрел на Лиду. Ветер стих, она сидела и шелкала семечки, безучастно глядя в степь. У меня в душе было противно и мерзко, и тут я подумал о тех, кого мы оставляем позади себя, за спиной. У них, наверное, тоже есть желания, мечты, надежды на счастье. Возможно, они хотели бы идти рядом с нами, поддерживая своим участием и теплом сердца. Но мы не спрашиваем их желаний – молча проходим мимо, оставляя этих людей позади, словно переворачиваем прочитанные листы книги, которые уже неинтересны. И в прошлом остается множество таких страниц.

Глава 3

Через неделю после инспекции я сидел в летной столовой и обедал.

Проверка политзанятий прошла хорошо, контролирующий – молодой майор из политадела ВВС округа, остался доволен. В особенности ему понравились вечерние посиделки и бурно проведенная ночь с Лидкой, после чего, он, с немного опухшим от выпитого спирта лицом и слегка покусанными губами, подвел итоги. Оказалось, что я провожу занятия на высоком идейно-политическом уровне, методически грамотно, умело использую средства наглядной агитации. Да и бойцы не подкачали. Маленький, небольшого роста Паша Толоконников, похожий на пионера по ошибке, призванного в армию, отвечал очень активно, и, можно сказать закрыл собой амбразуру...

Пока я сидел и предавался воспоминаниям о прошедшей проверке, ко мне за столик подсел незнакомый летчик в синей летной куртке. Его недавно назначили командиром 3-й эскадрильи, а предшественника перевели заместителем командира полка в Качинское училище. Новый комэска⁷ был невысокого роста, немногим старше тридцати лет. Его голову тронула ранняя седина, а на загорелом лице ярко выделялись внимательные, темные глаза, которые невольно приковывали к себе внимание.

– Товарищ подполковник, подпишите!

К нашему столу подошел штурман 3 эскадрильи и протянул какие-то бумаги на подпись.

– Кто полетит на разведку погоды? – негромко спросил комэска.

– Майор Великанов и старший лейтенант Тырша на спарке⁸, – ответил штурман.

– Ты ведь из батальона обеспечения? – обратился комэска ко мне.

– Да, замполит комендатуры.

– Недавно у нас сел летчик, не выпустив шасси. Вам передали указание командующего ВВС округа о предотвращении подобных случаев?

– Насколько я знаю, нет!

– Мне позвонил командир полка, – подполковник неторопливо ел принесенную официанткой еду и говорил, не глядя на меня, словно беседовал сам с собой, – надо в километре от конца ВПП с обеих сторон поставить по небольшой вышке. Подумайте из чего их сделать.

– А зачем это нужно? – удивился я. – Ведь есть руководство по эксплуатации аэродрома и там все строения, которые необходимы четко указаны.

Подполковник усмехнулся.

– Начальству виднее. На полеты мы будем выделять курсантов с биноклем и рацией. Они станут смотреть за заходящими на посадку самолетами. Если кто-то из летчиков забудет выпустить шасси, курсанты свяжутся с РП⁹ и предупредят заранее, чтобы была возможность, в крайнем случае, уйти на второй круг.

– Вы думаете, это поможет избежать аварий?

– Не знаю, – задумчиво ответил комэска, – приказ надо выполнять, а там будет видно. Я смотрю, жизнь у вас здесь бьет ключом, – вдруг заметил он, когда штурман отошел от нашего столика. – Особенно по вечерам.

– А чем еще здесь заниматься – обычный походный набор: вино и женщины, как в старые времена, когда мужиков отправляли на войну.

– Что-то вроде тылового обоза?

– Наверде, только без маркитантов.

⁷ Комэска – командир эскадрильи. Общепринятое сокращение в авиации.

⁸ Спарка – двухместный самолет.

⁹ РП – руководитель полетов.

– Послушай, – мой собеседник откинулся на спинку стула и впервые внимательно посмотрел на меня, – мы с тобой беседуем, а я не знаю даже, как тебя зовут. Давай что ли, познакомимся! Я Сергей Николаевич, фамилия Волчатников.

– А я Виктор Лихачев.

– Ну что ж, будем работать вместе. Значит, насчет вышек ты понял? Передай, пожалуйста, это указание Косых и начальнику комендатуры.

Волчатников замолчал, увидев что-то интересное за моей спиной, и я повернул голову. В зал вошли официантки и среди них новенькая, недавно прилетевшая транспортником из Азовска. Она легко несла тяжелый поднос с тарелками. Ее стройная фигура быстро летала между столиками, за которыми сидели пилоты. Было в ней что-то особенное, отличное от других официанток, и трудно сказать, что именно. Может выражение лица, голос, не знаю... Волчатников, как мне показалось, несколько смутился оттого, что я это заметил его интерес к этой девушке.

– Что же, – негромко сказал он, – пора на полеты. Да, если вечером свободен, заходи ко мне. Знаешь где барак летчиков? Комната десять.

– Хорошо, приду! – удивляясь самому себе, ответил я, поскольку совершенно не представлял, что у нас может быть общего.

Командира аэродромной роты Косых, как и меня, удивило распоряжение командующего о строительстве наблюдательных вышек. Он почесал вьющиеся на затылке волосы и пошел исполнять приказ. Правда, перед этим, сопя от жары, и неловко переминаясь на своих крупных, как у Гаргантюа ногах, попросил с ноткой вины в голосе:

– Слышь, комиссар, я там одного бойца задел слегка. Ты разберись, замни, если что...

– Серьезное что-то?

– Да не, из автороты один алкаш. Пришлось его повоспитывать.

И действительно. Вскоре меня нашел незнакомый прапорщик из полка и отдал свою объяснительную. Как выяснилось этот прапорщик сидел в курилке, когда мимо проходил рядовой автороты Шпистер.

«При этом, – писал прапорщик, – рядовой Шпистер был в нетрезвом виде, громко матерился и не реагировал на замечания старших. Когда я подошел и сделал ему замечание, рядовой Шпистер обругал меня матерными словами и угрожал ударить. В это время мимо проходил капитан Косых, после чего рядовой Шпистер заплакал и стал просить извинения».

– Все ясно! – сказал я прапорщику. – Мы разберемся с ним, он будет наказан.

Прапорщик, словно ожидая еще чего-то, помялся, и нерешительно отошел. Я вызвал к себе рядового Шпистера. Тот вскоре прибыл в грязной, полинялой техничке, брюки были заправлены в кирзовые сапоги, покрытые толстым слоем пыли. Под глазом у Шпистера наливался большой синяк.

– Ну что, Шпистер, – спросил я строго, – опять за старое? Пьянствуешь, сачкуешь? Откуда синяк?

Шпистер, как все старослужащие, оказался сообразительным.

– Товарищ старший лейтенант, был на страе и решил пройтись по трубе подачи топлива. Поскользнулся и упал глазом на задвижку, – говоря это, Шпистер теребил пилотку в руках. Но вид у него был плутовским, он говорил мне: «Замполит, ну мы же с тобой все знаем. Хорош ломать комедию!»

– Придется отправить тебя в Азовск. Там, голубчик, с тобой быстро разберутся и приведут в норму.

– Ну, товарищ старший лейтенант, я больше не буду, – совсем как ребенок, стал канючить Шпистер, – ну товарищ старший лейтенант...

Я его понимал: многим солдатам нравилось жить в полевых условиях больше, чем в Азовске. Здесь было больше свободы, не так строги командиры. Рядом, всего в нескольких километрах находились станицы и хутора, где всегда можно было найти разбитных одиноких казачек. К ним бойцы бегали в самоволки, а то и ездили на машинах прямо с полетов.

– Ладно, Шпистер, последнее китайское предупреждение. Ты все понял?

– Так точно, товарищ замполит!

– Не замполит, а старший лейтенант. В армии, Шпистер, обращаются по званиям, а не должности. Иди и передай старшине, что у тебя три наряда вне очереди.

Я закурил, выпуская дым в форточку. В соседней комнате Наталья выписывала путевки, потом встала и, опершись на локти, принялась что-то читать в бумагах, лежавших у нее на столе. Сквозь щель приоткрывшейся двери мне был виден ее тугий зад, обтянутый светло-голубыми брюками авиационной технички. Я услышал, как хлопнула дверь, и появился прапорщик Приходько, который направился к баку с питьевой водой.

По дороге, он шутливо заметил:

– Наталья, не стой так!

– А что? – спросила девушка, не поворачивая головы и продолжая что-то рассматривать на столе.

– Не стой, – хохотнул Приходько, – а то привыкнешь!

– Дурак! – вспыхнула Наталья.

Я в это время вошел в комнату и добавил:

– Все бы вам опошлить, товарищ прапорщик.

Вова Приходько усмехнулся и, сделав несколько больших глотков воды, со звоном опустил кружку на бачок.

– Пойду службу править. А ты замполит, смотри здесь, не устрой случайно шмякен зи дойч. Кое-кому это может сильно не понравиться. – Приходько, видимо, намекал на Тернового, который мог приревновать меня.

– Горбатого могила исправит, – бросил я уже в спину, выходявшего из здания прапорщика, зная, что Наташа не особенно оскорбилась. Работая в сугубо мужском коллективе, она привыкла к соленым армейским шуточкам.

– Витя, – девушка прервала свое занятие и подошла ко мне, отчего-то пряча глаза. Она встала и нерешительно замолчала.

– Ну, спрашивай, спрашивай, чего хотела?

– Как ты думаешь, Сережа Терновой, он жену любит? Или может, они просто так живут, ведь детей у них нет.

– Ну и что? Сейчас нет, значит, пока не планируют. И потом, какие дети? Серега только недавно женился, еще рано. А в нашей жизни сама знаешь – постоянные переезды, своего угла нет. Он что, тебе нравится?

– Да, – произнесла она после некоторой паузы, – с ним весело и совсем не так как с нашими прапорщиками. Те, только и знают, что говорить о гайках и болтах или как скоммуниздить, что плохо лежит. Потом эти свиньи, куры, подсобное хозяйство у каждого – никакой романтики.

– Значит Сергей наш в какой-то степени романтик? И этим он тебе нравится?

– Может быть! – Наташа улыбнулась. – А ты?

– Что я?

– Ты романтик? Ты можешь говорить с девушкой о чем-то возвышенном, создать обстановку подходящую?..

– Это когда белая скатерть, свечи, бутылка вина и тихая музыка? Пожалуй, вместо этого подойдет костер в поле и разбавленный спирт.

Наташа засмеялась.

– А потом ближайший кустик? Да, замполит, умеешь ты создать романтическое настроение.

В это время во дворе автопарка я заметил Тернового. Он только приехал с полетов и энергично размахивал руками, раздавая указания солдатам. Наталья сразу заторопилась к нему, бросив на ходу, что хочет уточнить выезд машин на завтра.

День пролетел быстро, почти незаметно, такой же день, как и все остальные. К вечеру небо совсем затянуло тяжелыми тучами, разведчик погоды доложил о низкой облачности, а синоптики о приближающемся с запада дождевым фронте.

Полеты закрыли, и все спецмашины поехали в автопарк. С аэродрома потянулись летчики, техники, солдаты, кто пешком, а кто на велосипедах. Что интересно, у летчиков особой популярностью пользовались детские или, скорее, подростковые велосипеды. Они были меньше и легче взрослых, и наши летуны поднимали сиденье вместе с рулем вверх до упора, а затем катились, быстро вращая педалями. Колеса-то у велосипедов были маленькими.

Со стороны мне было забавно наблюдать за ними. Как будто взрослые дяди отобрали у малышей их велики и теперь вспоминают детство, несясь по пыльной дороге наперегонки.

Незаметно опускалась теплая южная ночь.

Великая и безмолвная, она окутала наш военный лагерь, пеленой серых облаков. Остывающая степь источала особые запахи, широко разносимые ветром: горькой полыни, подсолнухов, песка, незнакомых мне полевых цветов. Эти запахи входили в меня медленно и осторожно, как усталый путник в заброшенный дом, пока не заполнял всего.

В такую ночь хотелось любви. И мне подумалось, что именно ночью душа снимает с себя все покровы, как тело одежду и становится обнаженной. Обнаженная откровенность души – вот что такое ночь! Может потому, любовные признания чаще звучат в полумраке?

Моя душа тоже хотела любить, и было немного грустно оттого, что девушки, которых я знал, не могли мне дать ничего, кроме своего тела. А может, любовь и не нужна была сейчас, именно в этот момент, ведь все приходит в свое время, говорили древние? Мое время, наверное, еще не пришло. Сейчас мне была нужна только эта теплая ночь и ветер, дующий в степи, который, быть может, знал все ответы.

Я вспомнил о приглашении Волчатникова. Идти к нему мне не очень-то хотелось – в компании летчиков я чувствовал себя чужим, ведь у них были свои интересы, они все старше меня по возрасту. В тоже время какое-то смутное чувство заставляло меня желать этого, желать вновь увидеть Волчатников. Мысли набегали одна на другую, растекались, ставили сложные вопросы. Меня они мучали. Я задумался о том, чего всегда не хватало мне в этой жизни, что являлось самым важным из отношений и ответ был на поверхности. Пожалуй, это два чувства: дружба и любовь.

И мне подумалось, что они смогут заменить друг друга, но только на время. Без них, этих чувств, жизнь не имеет целостности, полноты. Словно пьешь сладкий сок и не можешь утолить жажду.

Проходивший мимо Вова Приходько увидев мое задумчивое лицо, не преминул поддеть:

– Замполит, к Лидке собрался? Только не изображай умное лицо – ты же офицер!

– Иди, Вовик, отдыхай! – отмахнулся я от него.

Незаметно начинал накрапывать дождик. Прапорщики сидели в полумраке под куполом старого тормозного парашюта, шелковая материя которого днем спасала от жары, а теперь от падающих с неба рассеивающихся капель. Из курилки доносился негромкий смех, видимо, рассказывали очередной анекдот. Их лица освещались вспышками тлеющих сигарет.

Постепенно небесный поток усиливался и вода, стекающая вниз с шиферных крыш бараков, превращалась в большие лужицы на темно-желтых дорожках лагеря. Слабый ветер едва шевелил мокрые листья низкорослых деревьев в посадке у дороги. Я почувствовал, как намочила моя фуражка и неторопливо, словно дождь был мне не помеха, пошел к бараку летчиков, высматривая сухие места на дорожке в тусклом свете ночных фонарей.

В полутемном коридоре барака, всех посетителей встречал устоявшийся запах спирта, промокшей одежды и сырой кожи, которые издавали висящие на вешалке летные куртки и старые ботинки, брошенные в углу.

Из-за неплотных дощатых дверей доносились разные звуки: где-то радио передавало сводку новостей, где-то из магнитофона неслись популярные песни итальянской эстрады, вошедшие в моду в этом году. Слышался легкий женский смех и пьяные голоса.

Одна из комнатных дверей была полуоткрыта и я, с удивлением для себя, услышал неясный голос пожилой официантки Алексеевны, которая пьяно доказывала какому-то летчику, что еще пользуется успехом у мужчин. «Меня любило столько мужиков, сколько тебе и не снилось», – едва шевеля языком, говорила она. «А нафига мне мужики?» – спросил кто-то с шутливым недоумением и следом раздался громкий хохот.

За дверью десятой комнаты, в которой жил комэска, было тихо. Я постучал, в ответ раздался голос, разрешивший войти. Комната Волчатникова была типичной для барака: две кровати, застеленные темно-синими армейскими одеялами, две тумбочки со следами от какой-то жидкости на верхней крышке, посередине стол и два стула. Спартанский интерьер украшал черно-белый телевизор, взятый напрокат в Нижней Калитве, который разместился в углу у подоконника.

В отличие от коридора, в комнате пахло одеколоном, поскольку ее хозяин, по-видимому, недавно брился. Волчатников при моем появлении чуть встал с кровати, на которой лежал с книжкой, и махнул рукой:

– Садись где хочешь, хоть на кровать, хоть на стул. Мой сосед остался в Азовске на выходные.

Я снял тяжелую фуражку, насквозь пропитанную водой, и повесил ее на вешалку, после чего, ощущая внутреннюю неловкость, присел на стул.

– Ну что, давай знакомится ближе! – сказал, улыбнувшись Волчатников, и достал из тумбочки поллитровую бутылку с сорванной этикеткой. В ней плескалась темно-коричневая жидкость. – Здесь дагестанский коньяк, ребята передали, с которыми раньше служил, – пояснил он, заметив мой настороженный взгляд.

Жидкость, в отличие от того, что мы обычно пили, действительно пахла коньяком и после первого глотка теплой волной прокатилась внутри меня.

– Смотри, какой дождь зарядил, – глянул в окно Волчатников, потом, обернувшись ко мне, спросил с усмешкой: – Что загрустил замполит? У тебя жизнь только начинается.

– А у вас что, заканчивается? – несколько грубовато ответил я вопросом на вопрос.

– Нет, конечно! – криво улыбнулся Сергей Николаевич. – Просто после тридцати пяти начинаешь ощущать, что главное уже позади. Как там, у Данте: «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу», а половина в средние века была в тридцать три года.

Я обратил внимание на книгу, оставленную Волчатниковым на кровати. Это был томик стихов Иннокентия Анненского.

– Вы любитель поэзии? – удивился я. – Мне было странно увидеть летчика, читающего стихи, тем более, одного из поэтов серебряного века.

– Это потому что я необычный человек, – негромко засмеялся Волчатников. – А если серьезно, то стихи, как я считаю, приносят гармонию в жизнь, сглаживают диссонанс в душе

и примиряют с действительностью. Вот возьми Анненского. Он преподавал в лицее Царского Села, писал для себя, жил в своем особенном мире чувств и настроений.

Волчатников задумался ненадолго, потом, когда вновь заговорил, голос у него как-то дрогнул, словно что-то личное коснулось его.

– Анненский умер в пятьдесят четыре. В Петербурге, на Царскосельском вокзале упал почти на ступеньках. Инфаркт или, как писали тогда, разрыв сердца. У него есть такие строки, комэска прикрыл глаза, процитировал:

О сердце, когда леденя,
Ты смертный почувствуешь страх,
Найдется ль рука, чтобы лиру,
В тебе также тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя мое сердце вернуть.

– Это стихотворение «Лиры часов». Давай, что ли выпьем!

Волчатников в молчании налил коньяк, и мы выпили.

Каждый думал о своем, но меж нами сохранялась внезапно возникшая атмосфера дружеской близости, которая появляется между людьми в минуту задушевных откровений. Уныло шуршащий дождь за окном, казенная комната в летном бараке – все это отошло на второй план. Это все было не главное, так – декорации жизни, меняющиеся в зависимости от нашего настроения.

Я смотрел на Волчатникова, мне нравился этот человек. Его глаза излучали странный добрый свет, струились теплом, проникавшим вглубь, и на душе становилось легко и спокойно.

– Сергей Николаевич, – прервал я молчание, – у вас семья в Азовске?

– Нет, Витя, они еще живут по старому месту моей службы в Бердянске. У меня жена и сын. Правда, – он замаялся, – с женой у нас нелады, не хочет переезжать в Азовск. Говорит Бердянск лучше, он на Украине, снабжение там хорошее, а в Азовске, кроме рыбы ничего нет. Но я думаю, дело в другом. Может, у нее кто-то есть, – Сергей Николаевич внезапно замолчал, затем, словно нехотя, продолжил: – Не знаю Витя, зачем тебе это говорю, тебе ведь мои проблемы ни к чему.

– Что вы! – горячо запротестовал я, в глубине души сочувствуя ему.

– Иногда стоит выговориться и становится легче, – признался комэска, закуривая сигарету. – Я здесь почти никого не знаю, а тебя как-то сразу приметил.

Незаметно для меня мы закончили одну бутылку, и комэска достал все из той же тумбочки вторую, словно у него там был продовольственный склад.

– Витя, по большому счету, из-за всех этих передрыг военной службы мы с женой почти и не живем, я имею в виду, как мужчина с женщиной. Тут возникает вопрос, как любить женщину и не отдавать ей ничего. Я же не Блок, который не прикасался к жене в физическом плане, а любил ее чисто платонически.

– Но, если вы ее любите, то отдаете ей свою душу, а она вам свою, – возразил я, правда, несколько неуверенно, потому что о подобных вопросах мне не приходилось глубоко задумываться.

– Душа... духовная близость. Да это так. Она, конечно, возникает, но половое влечение, половой акт, говоря научным языком, это не просто действие – это, как бы правильно выразиться, физическое выражение любви, осязаемое ее доказательство.

Волчатников на какое-то время задумался, а потом показал на одну из книг, лежащих у него на тумбочке.

– Я взял в библиотеке книгу, ее посоветовала ваша библиотекарь, кажется, зовут Лидой. Называется «Фабрика офицеров». Не читал?

– Не, не успел.

– Там рассказывается о подготовке курсантов в Германии во время войны с нами. Описывается, между прочим, история, довольно любопытная с психологической точки зрения. Одному из офицеров на восточном фронте отстрелили мужское достоинство, и он, естественно, не мог исполнять супружеский долг. Этот офицер понимал, что его жена молодая, здоровая женщина, в самом расцвете сил и ей это необходимо. Что думаешь, он делает?

– Кого-то нанимает для удовлетворения?

– Верно. Только не нанимает, а уговаривает друга, чтобы тот приходил к его жене в отведенное время.

В моем размягченном алкоголем мозгу мелькнула мысль, не хочет ли комэска предложить эту роль мне. Может, он для того и пригласил к себе в гости, чтобы плавно, ненавязчиво подвести к этой мысли?

Словно угадав мои мысли, Волчатников грустно усмехнулся:

– Знаешь, чем все кончилось? Жена, увидев, что ее муж страдает от такой ситуации, вскоре отказалась от сексуальных услуг его друга.

– А как они вышли из положения? – несколько бестактно спросил я, невольно сравнивая эту книжную историю с положением Волчатникова.

– А никак, – он рукой провел по своей седеющей шевелюре, отчего коротко стриженные волосы поднялись ежиком. – В отличие от того офицера, я не полный импотент. Мы еще что-то можем, как говорит один из героев фильма «В бой идут одни старики».

Потом он пристально взглянул на меня своими темными глазами:

– Не знаю, зачем все это тебе говорю – другому никогда бы не сказал. Мы, конечно, выпили, но я тебя прошу о нашем разговоре не распространяться. Как писал Анненский: «Лишь тому, чей покой храним, сладко дышится».

Глава 4

Ночью дождь прекратился. Часа в четыре утра я почувствовал, что меня кто-то тронул за плечо. Это был старшина роты Винник. Поглаживая пышные рыжеватые усы, он сообщил сиплым от постоянного употребления спирта голосом, что командир роты Косых загулял и на ногах стоять определенно не может. Следовательно, остаюсь только я и мне надо вести бойцов на прочесывание аэродрома.

Сказав это, Винник приложился к трехлитровой банке с разведенным спиртом, стоявшей на тумбочке у Тернового, крикнул и пошел поднимать солдат, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Я с большой неохотой принялся подниматься с кровати, пытаюсь на ощупь, в полумраке, найти свою одежду и упавшие вечером под кровать ботинки. Рядом мирно похрапывал Приходько, а кровать Тернового была пуста.

Собственно, прочесывание аэродром являлось обязательной процедурой подготовки к полетам. Мы вывозили солдат в начало летной полосы, расставляли их цепью и запускали вперед на всю её длину, что составляло примерно два с половиной километра. Солдаты шли, поеживаясь от утренней прохлады, и собирали камешки, куски битума, всякий мусор, оставленный от предыдущего полетного дня. Все это складывалось ими в пустые противогазные сумки, которые выдавались нашим находчивым старшиной, поскольку штатных сумок для этих целей предусмотрено не было.

Когда я выехал на ВПП с дюжиной полусонных солдат, уже занималась заря. Неяркий, чуть приглушенный свет ровно ложился на серые аэродромные плиты, практически не создавая никакой тени, что здорово затрудняло осмотр аэродрома. Я приказал водителю «Урала», на котором мы ехали, включить фары, чтобы подсветить бетонные плиты. Два солдата шли в невысокой траве по краям полосы, поправляя упавшие ярко-красные треугольные пирамидки из фанеры, обозначающие полосу точного приземления.

Под мерный звук двигателя машины и неторопливое движение солдат, я немного задремал и потому с некоторым запозданием увидел, как к нам подъезжает руководитель полетов. По иронии судьбы это был Волчатников, в отличии от меня выглядевший довольно бодро. Увидев, что я готовлю аэродром к полетам, он удивился:

– Витя? А где Косых?

– Да ему нездоровится, – махнул я рукой.

– Что, опять запил? – почти утвердительно спросил Волчатников, до которого, по-видимому, уже дошли слухи о периодических запоях моего командира роты. – Доиграется он, могут выгнать из армии, а ведь хороший мужик.

– Я слышал, его вызывают на заседание партбюро батальона. Может, он потому и напился?

– Перед смертью не надышишься, – покачал головой комэска. – Вон видишь, полоса приземления. С обеих сторон она имеет расстояние по триста метров. При посадке самолета летчик должен точно вписаться, сесть именно на этот четко обозначенный отрезок бетонки. Сядешь раньше – можешь удариться о кромку плит. Приземлишься позже – выкатишься за пределы полосы. В обоих случаях, если не рассчитаешь, возможна катастрофа, смерть. Так и в жизни, у каждого из нас своя полоса приземления. Любовь это, или что-то другое, неважно! Главное, не проскочить мимо.

– Значит, Косых может не вписаться? – спросил я, и мне отчего-то стало жалко этого неуклюжего большого человека.

– Вроде того. Не опоздай на инструктаж наряда!

Волчатников сел в машину и поехал по рулежной дорожке к вышке руководителя полетов.

У КДП¹⁰, когда я подъехал туда, уже выстроился наряд. Среди солдат других подразделений стояли четыре человека и из моей аэродромной роты. Двое из них, вооруженные сигнальными пистолетами, обычно ходили по торцам полосы и своими выстрелами отпугивали птиц, которые могли попасть в воздухозаборник самолета. Два других бойца обслуживали аварию-тормозную установку и потому их звали атушниками. Установка представляла собой длинную сетку из парашютных строп, которую поднимали в конце ВПП, чтобы поймать случайно выкатившиеся в траву самолеты.

Конечно, опытные летчики не допускали выкатывания. Этим отличались в основном курсанты или только что выпустившиеся из училищ молодые пилоты. Но и старички вроде Паши Безродного, забывшего выпустить шасси, иногда могли отличиться.

Пока я осматривал наряд, вышел Волчатников и провел краткий инструктаж, после чего расписался у меня в журнале за прием аэродрома. О вчерашнем мы не говорили.

Потом я не раз вспоминал его слова о полосе точного приземления. Мне даже приснилось, что я лечу, а взлетная полоса в легкой дымке тумана наплывает издали, постепенно нарастает, словно я был летчиком и должен посадить самолет. Вот показался край ВПП, обозначенный большими белыми полосами, которые издали кажутся спичками, аккуратно уложенными неким шутником на бетонных плитах. Затем шла сама полоса приземления, короткая, вся исчерканная черными штрихами самолетных колес.

Во сне я несколько раз пытался попасть точно в полосу приземления и, каждый раз, проскакивал мимо. Но мне было почему-то не страшно, даже отчасти весело, словно я участвовал в безумных гонках, где выигрывал тот, кто сильнее разобьет самолет. Может в этом разбитом самолете был какой-то смысл? Имела ли вообще для меня смысл сама жизнь? И в чем он состоял? Воспитывать солдат, ходить на построения, делать военную карьеру, угождать разным большим и малым чинам? Разве в этом смысл?

Энергично кивнув мне своей головой с коротко стриженными седыми волосами, Волчатников вернулся на вышку, где поднялся наверх, в стеклянный купол, откуда просматривался весь аэродром.

Пока я находился у диспетчерского пункта, первые самолеты на центральной стоянке уже стали подавать признаки жизни. Технари запускали движки, и АПА¹¹ подъезжал то к одному, то к другому самолету, помогая оживить сердце боевой птицы.

Поначалу раздавалось ровное гудение, перерастающее в рёв, а потом, у каждого из запускавшихся самолетов из сопла показывалась раскаленная струя газа. Она горела, рвалась наружу, похожая на исполинскую огненную руку, которая с силой долбила в газоотбойные щиты, стоявшие позади. Их металл шелестел и похожий на легкие листья под напором ураганного ветра, прогибался, становясь бурным в том месте, куда попадала струя. Но все же, выдерживал эту жестокую атаку.

Через некоторый промежуток времени, техники прекратили газовать, на рулежную дорожку выкатился первый самолет – разведчик погоды. Начинался обычный полетный день.

Пора на завтрак. И я поехал бы, если бы по дороге меня не перехватил дежурный по АТО прапорщик Сергейчик, передавший указание командира батальона срочно отправить капитана Косых на попутной машине в Азовск. Ничего хорошего для него это не предвещало. Ну что ж, приказ есть приказ, его надо выполнять, и я отправился на поиски командира роты.

Правда, искать пришлось недолго. Тот, будто громадный медведь в берлоге, лежал на солдатской койке в казарме, прямо у входа. Наряд, состоявший из солдат второго года, имено-

¹⁰ КДП – командно-диспетчерский пункт.

¹¹ АПА – аэродромный пусковой агрегат.

вавших себя дедушками, ходил вокруг разве что не на цыпочках, боясь потревожить покой командира. Я собирался разбудить его, но передумал – пусть лучше проспится.

К тому же, нужна машина, которая повезет людей в Азовск. «Кого-то надо отправить в автопарк!» – решил я. Но, оглянувшись, кроме дневальных, одиноко стоявших у тумбочки, лишних людей не заметил.

Зато заглянув в бытовку, представлявшую собой окрашенную в казенный темно-синий цвет комнату с гладильной доской в виде подставки и несколькими зеркалами, я сразу натолкнулся на двух солдат, одним из которых был Паша Толоконников. Маленький, вертлявый, подвижный, он держал в руках утюг, перевернув его подошвой вверх.

– Чем это вы здесь занимаетесь? – поинтересовался я, внимательно разглядывая то, что было в руках у Толоконникова.

– Товарищ старший лейтенант, яичницу жарим, – бойко отрапортовал тот.

– Это как так?

– Да очень просто. Яйца хорошо жарятся на утюге.

Паша тут же продемонстрировал свое изобретение. Он обернул фольгу вокруг подошвы утюга, сделав бортик как у сковородки. Быстро протерев нагретый утюг маслом, он тут же разбил яйца и пожарил яичницу.

– Вот! – довольно улыбнулся он. – Не хотите, товарищ замполит?

– Так, Толоконников, закрывай-ка свою кухню, пока я тебе сам яйца не поджарил и двигай в автопарк. Узнай у командира автороты, какая из машин сегодня должна идти в Азовск. Потом позвонишь сюда, скажешь дневальному, а тот передаст мне. Все ясно?

– Так точно!

Быстро убрав «кухонные принадлежности», Толоконников и его приятель, который все это время стоял молча и с опаской наблюдал за действиями Паши, в темпе понеслись в автопарк.

В столовой обед разносила новая официантка, на которую обратил прежде свое внимание Волчатников. Самого его не было, поскольку первая смена полетов еще не кончилась. Я сидел за столиком и, как бы заметил Терновой, живо созерцал новенькую. Вероятно, она это обнаружила и вскоре оказалась рядом с подносом из вторых блюд. Она ничего не говорила, но приятно улыбалась. Поскольку официантки числились у нас в батальоне, а я был замполитом, то решил, что вправе поинтересоваться ею.

– Ты новенькая? Я тебя не видел в Азовске.

– Недавно работаю, – ответила девушка. – Зовут меня Илона.

– Что за имя? – удивился я.

– Илона, по-польски означает «возрождение». Мне дал это имя дедушка.

– А он поляк? – уточнил я, но девушка уже удалилась к другим столикам, за которыми сидели летчики.

Я проводил её внимательным взглядом, подумав при этом: «И что в ней Волчатников нашел? Девушка как девушка, таких много. Ходит, улыбается, заигрывает с летчиками. Обычное дело!»

Пока я разглядывал Илону, в дверях столовой показалась Лида. Увидев, что я пристально смотрю на официантку, она резко повернулась и вышла. Я уже не в первый раз удивлялся женскому умению неожиданно появляться тогда, когда их, женщин, совсем не ждешь. Так внезапно на войне на голову беспечному бойцу сваливается опытный противник и фактором внезапности обращает первого в бегство.

Бросив недоеденный обед, я поспешил за Лидой и догнал ее уже на крыльце.

– Лид, в чём дело? – спросил, хватая её за руку. – Куда заторопилась?

– Как спать вместе, так Лидия, а как любовь крутить, так первая встреча фанти-флюшка! – сказала она вроде с обидой, пытаясь показаться рассерженной.

Но я-то знал, что сердиться тут было не на что – ревностью совсем не пахло. Характер у неё был легкий, смешливый. В отношении меня она изначально не строила никаких планов, потому что женская часть батальона считала меня человеком, любящим всё усложнять, слишком образованным, таким, в чьем присутствии надо всё время напрягаться, чтобы не выглядеть полной дурой.

– Я тебя искала, – уже спокойно продолжила Лида, – машина ждет. Надо ехать на базу.

– Коробки со старыми фильмами погрузили? – поинтересовался я.

– А как же! Без них новые не дадут.

– Это точно!

Если кому интересно – кинофильмы мы брали на кинобазе в Нижней Калитве. Ездили за ними каждые три дня после просмотра очередной партии. Поскольку киноустановка лагерного аэродрома в сферу обслуживания базы не входила и, соответственно, денег за просмотр не приносила, с директором мы рассчитывались авиационным спиртом. Так и выходили из положения. А что делать? Без фильмов в степной глуши по вечерам можно было бы завывать на луну от скуки. Или стать хроническим алкоголиком.

Дорога от аэродрома до города была однообразной. Балки, поросшие густой травой, сменялись небольшими полями, на которых росли фруктовые сады. Чем ближе к осени, тем тяжелее становились ветки, усыпанные желто-медовым шафраном. Иногда сквозь деревья виднелись маленькие шалаши сторожей, но сами они не появлялись, как будто были кротоми и вели ночной образ жизни.

До города было далековато, около двадцати километров. Некоторые ушлые прапора, ездившие сами за рулем на аэродромных машинах по казенной надобности, пользовались этим. Чтобы подвезти казачек, живших в отдаленных хуторах до города, они брали отдельную плату, что называется, натурой. Впрочем, казачки, у которых многие мужья любили приложиться к бутылке, думаю, были не против такого обмена: и удовольствие получали, и деньги на проезд сэкономили.

Я сел с краю, у дверцы, а Лиду посадил посредине, между собой и водителем. Теплый ветер приятно обдувал кабину. Я любил ездить, положив локоть на дверцу с полностью открытыми боковыми стеклами, иногда вытягивая руку наружу и пытаясь ладонью поймать горячий степной ветер. Он упруго давил на мою руку, резкими порывами откидывая её назад, но всё равно рука возвращалась в исходное положение, как будто прорезала воздух пополам, примерно так, как горячий нож разрезает масло.

Беззаботно гулявший в кабине ветер оголил полные загорелые колени Лидки, немного задрав её зеленую форменную юбку. Я заметил, что боец за рулем, несколько раз, не поворачивая головы, зыркнул в её сторону.

– Эй, военный, – бросил я ему, – смотри на дорогу! А ты, хоть бы прикрылась, что ли!

И я положил на её колени потертую папку утратившую свой первоначальный черный цвет и принявшую со временем оттенок пыльного асфальта. В папке лежали накладные на фильмы. Лидка засмеялась мелодичным голосом, и я подумал, что она, должно быть, неплохо спивает, как говорят на юге. Но, как ни странно, мне ни разу не довелось слышать её пения.

Попетляв по узким городским улочкам, густо засаженным кустарником, с тускло-зелеными от пыли листьями, мы въехали во двор районной кинобазы. Было жарко, самый разгар рабочего дня. В воздухе стояла та самая южная духота, которая мгновенно делает влажной всю одежду и в которой ты плывешь, будто в теплом молоке. Никакого потока воздуха, никакого ветерка.

Возле базы уже приткнулось несколько машин из окрестных сел. У крыльца высились стопки из круглых металлических коробок серого цвета с бобинами фильмов, которые кино-механики выносили из хранилища и складывали неподалеку от своих автомобилей. Обычно таких коробок было восемь-девять – по частям картины. Имелись и исключения в виде иностранных фильмов, когда коробок должно было быть больше. Однако при дублировании на «Мосфильме» или «Союзмультфильме» эти фильмы подвергались нещадной кастрации и подгонялись под стандарт.

Кстати, я никогда не понимал, отчего большинство иностранных боевиков дублировалось на киностудии «Союзмультфильм». Голоса там были более подходящие, что ли?

Отдав Лиде деньги, чтобы она прогулялась до магазина и купила там пива, сигарет, и свежие газеты, я пошел в контору оформлять передачу просмотренных картин и получение новых. Водитель «Урала» в это время занялся перетаскиванием коробок к приемному окну, в котором виднелась пожилая женщина, достававшая рулоны фильмов из металлических кассет и проверявшая их на целостность.

Я снял фуражку, широко размахивая ею как веером, и расстегнул почти по грудь синюю техничку, чувствуя, как струйки пота стекают по спине. В небольшой конторе за столиком сидела молодая темноволосая девушка – учетчица. Она делала отметки в стопке накладных, лежавших на столе. Увидев меня, девушка кивнула, поскольку мы были уже с ней знакомы, и крикнула вглубь здания, подзывая заведующую:

– Марья Сергеевна, летчики приехали!

Тотчас, будто нас давно ждали, в открытых дверях за спиной учетчицы появилась мило-видная женщина лет сорока. Черные волосы её были забраны в пучок сзади, прищуренные глаза смотрели настороженно. Увидев меня, она заулыбалась и сказала певуче, мягко, как говорят на юге:

– Здравствуйте, за фильмами приехали? Наверное, хотите что-нибудь новенькое?

– Да, не отказались бы, – ответил я и тоже улыбнулся.

Заведующая, стоя в дверях, закинула руки за голову и томно потянулась, словно от долгого сидения за столом у нее затекла спина. Полинявший синий халат распахнулся, под блузкой обозначились полные груди, а в глазах появились насмешливые огоньки. Словно она бросала мне вызов, говорила: «Посмотрим, сможешь ли ты сделать вид, что ничего не замечаешь».

Мне было невдомек, специально она это сделала или нет. Может у Марьи Ивановны была привычка потягиваться перед незнакомыми мужчинами, а может у неё действительно затекла спина? Кто её знает? Я не думал о том, хотела ли заведующая специально привлечь моё внимание или она делала это неосознанно, но вскоре почувствовал, как внутри меня нарастает напряжение и возбуждение. Вероятно, Марья Ивановна что-то прочитала на моём лице, она заметно расслабилась, еще сильнее заулыбалась. Девушка – учетчица посмотрела на неё, как мне показалось с укором, и обронила:

– Ваш муж просил передать, что заедет в совхоз «Привольный» и скоро вернется.

– Хорошо! – без особых эмоций произнесла женщина. – Когда звонил?

– Минут сорок прошло, – ответила учетчица и пояснила мне: – У Марьи Ивановны муж – заместитель нашего начальника кинобазы. Он отвечает за исправность киноустановок.

– Пойдемте со мной, – перебила её заведующая, – покажу вам, где можно выбрать новые фильмы.

Отправившись следом за Марьей Ивановной, я оказался в большом зале с длинными рядами металлических стеллажей. Они доверху были забиты коробками с кинофильмами, под каждой из которых болталась картонная бирка с указанием картины. Зал плохо освещался, потому что несколько лампочек перегорело и не менялось, то ли из-за их отсутствия, то ли из-за нерадивости электриков.

Здесь было прохладнее, и я вздохнул с облегчением.

Медленно передвигаясь вдоль стеллажей и читая заголовки картин, большинство из которых было уже мною видено, я прошел в дальний угол хранилища. Заведующая шла за мной, и я чувствовал её дыхание, когда останавливался чтобы прочесть очередное название. От неё пахло польскими духами «Быть может», столь модными среди советских дам зрелого возраста.

Дойдя до конца очередного стеллажа, я резко повернулся и внезапно оказался лицом к лицу с Марьей Ивановной. От неожиданности сделал шаг назад.

– Что летчик, – полушепотом, как бы шутливо спросила она, – боишься меня?

В это время кто-то зашел в зал и на другом конце принялся расхаживать в поисках подходящего кино. Отчетливо слышалось шарканье чужой обуви, будто вдоль стеллажей передвигался случайно забредший сюда старик. У меня мелькнула мысль, что времени вполне хватит.

Марья Ивановна в это время в чувственной истоме безмолвно прильнула ко мне, отдаваясь во власть моих рук, обдавая жаром своего тела, и я повернул к себе спиной эту внезапно обессиленную женщину. Она оперлась руками о стеллажи, а потом я вошел в неё, словно в теплую речку, прогретую полуденным солнцем. Мозг как будто отделился от тела, самостоятельно фиксируя детали, пытался анализировать моё и её поведение, а тело выполняло свою работу. Марья Иванова глухо застонала от удовольствия.

Шаги в дальнем углу склада стихли. Кто-то прислушивался. Черт побери! Меня бросило в жар, но остановиться я уже не смог...

Это был порыв, наваждение страсти, как у Бунина в «Солнечном ударе», когда офицер завел скоротечный роман со случайной пассажиркой на пароходе. Я потерял голову, совсем как тот поручик! Разница была в ощущениях. Герой Бунина чувствовал себя постаревшим на десять лет после той встречи, а я... Я не чувствовал ничего. «Всё из-за любви! – быстротечно соображал я. – Он ведь полюбил!»

Потом пришлось спешно приводить себя в порядок – не мог же я показаться перед учительницей в растрепанном виде. Марья Ивановна вся раскраснелась, а её антрацитового цвета глаза в полумраке, казалось, растворились в зрачках и сделались огромными. Она повернулась ко мне и поправила фуражку, стягивая её на правую сторону, как обычно носят казаки. Её руки задержались на моих плечах, а глаза ласково смотрели, будто женщина ждала от меня особенных слов. Пахнуло смешанным запахом польских духов и её разогретого тела. Я молча отстранился – влажные волосы прилипли ко лбу, пришлось запрокинуть их под козырек.

– Ну что, будем искать фильмы дальше? – приглушенным голосом спросила она, поправляя причёску.

– Выберите нам что-нибудь сами, только поновее, – попросил я, обращаясь на «вы» даже после возникшей между нами близости. Может быть, сказывалась почти двадцатилетняя разница в возрасте?

Обратно на аэродром возвращались молча. Лида открыла бутылку с пивом и, поглядывая в окно, медленными глотками пила его из горлышка. Я вспоминал подробности происшедшего на складе. Водитель «Урала» насвистывал песню из репертуара Тото Кутуньо.

Теплый ветер с силой бился в лобовое стекло, заноса в кабину запахи отцветающего лета. Я возвращался в часть и уже не соревновался с ним в силе. Разве можно победить ветер?

Глава 5

В последующие дни на меня навалилась душевная вялость и глубокая апатия завладела умом. Вспомнились слова Приходько о взаимосвязи апатии и полового акта. Почему-то стало грустно. Так бывает, вероятно, когда ожидаемая новизна ощущений не оправдывает себя. Ты понимаешь, что всё это уже было и всё повторялось в той или иной форме, с теми или иными нюансами. Финал был всегда одинаков – внутреннее опустошение.

– А что ты хотел? – удивился Волчатников, когда я рассказал ему эту историю. – Тебе нужен был просто секс, как говорят на западе, или ты искал чего-то другого, особенного? Может, ты влюбился в эту сорокалетнюю женщину?

– Конечно, нет! – определенно ответил я. – Но почему именно с ней? Что в ней особенного? Вот чего не пойму. Ведь совсем не значит, что я пойду с первой встречной в постель, стоит ей стянуть с себя трусики или оголить грудь.

– Ты затронул извечную тему, – Волчатников достал из полиэтиленового пакета с рисунком улыбающейся Аллы Пугачевой две бутылки пива. Одну протянул мне. – Почему нас привлекают женщины, и какие именно? Вопрос, который волновал еще древних греков, если ты помнишь историю. Однозначного ответа никто не нашел, и вряд ли он найдется. В религиозной литературе говорится, что женщина – это сосуд дьявола. Почему же этому дьявольскому творению посвящено столько стихов, картин, песен? Знаешь, что я думаю?

– Нет, но мне интересно, – пробормотал я.

Волчатников сел на тумбочку прямо передо мной.

– Женщина – это средство, с помощью которого мужчина познает мир, – продолжил он. – А ты, наверное, думал, что это существо для возбуждения твоих нервных окончаний, получения наслаждения? Нет, друг мой, смотри шире...

– Средство познания мира? – тупо переспросил я. – Признаться, мне как раз казалось, что она нужна для удовольствий, удовольствий взаимных, мы же не индивидуалисты, мы тоже доставляем им удовольствие.

– Это верно лишь отчасти. Ты тоже частица мира. Значить, познавая себя – ты познаешь мир. И этим звеном, соединяющим тебя с миром, служит женщина.

– Какой-то дуализм, – с сомнением заметил я.

– Ты ищешь женщину, которая должна стать проводником в этот мир. Но и женщина тоже ищет такого мужчину. Отсюда возникает желание, соблазн.

В голове моей был полный туман. К этому времени мы выпили пиво, и за неимением коньяка перешли на разведенный спирт. Волчатников прикрыл глаза, потом посмотрел, как мне показалось, совсем трезво.

– Однако так бывает не всегда. К сожалению, любовь проходит, нередко оставляя людей несчастными. Возьмём, к примеру, Анненского. В двадцать два года он страдал от любви к женщине на четырнадцать лет его старше. Через два года он женился на ней. В то время она действительно вела его в неведомый мир, помогала познанию вселенной. Но вот любовь угасла, страсть прошла. А жить вместе пришлось всю жизнь, до самой смерти. Если любовь – это жизнь, значит, его душа умерла раньше тела. Не отсюда ли у Анненского такой сильный мотив одиночества, звучащий в каждой строчке?

– Возможно, не берусь судить, – заметил я, периодически теряя нить рассуждений моего собеседника.

Действительно, любовь, женщины, мир – это такие материи, которые, сколько ни философствуй, всё равно до конца не изучишь. Слишком много чувств, слишком много эмоций, слишком мало логики. Чтобы их понять, надо быть чутким, как листья, ведь эти слова Анненского, кажется, цитировал Волчатников.

В окно внезапно, с размаху ударили капли дождя, начавшегося совсем незаметно, без грозы и ветра, словно некто невидимый подал нам с камэской тайный знак, постучав в окно дождевыми пальцами. «Я здесь! – говорил этот некто. – Я слышу вас! Я понимаю вас!»

И он усыпляюще барабанил по стеклу, а я чувствовал, как гнет мыслей об одиночестве, которые одолевали меня несколько недель подряд, стал таять, растворяться, как растворяется песок в прибрежных волнах, когда подносишь его горстями в ладонях и опускаешь в прозрачную воду. Несколько мгновений и воде белеют только пальцы.

Вероятно, это происходило от того, что с Волчатниковым я не скучал – он заставлял меня думать о жизни, размышлять о ходе вещей, предопределенности судьбы. И пусть это были отвлеченные темы, темы далекие от военной будничной жизни, но мне было с ним интересно. Трудно было бы заподозрить между нами дружбу – уж слишком мы были разные, но что-то нас притягивало и сближало, как кусочки мозаики, принадлежащие одному фрагменту.

Через неделю наступила очередь Волчатникова лететь на выходные в Азовск.

– Совсем не хочется возвращаться туда, – сказал он мне задумчиво. – Но знаешь, скучаю по сыну. Вот купил в Калитве ему подарок. Волчатников достал из сумки красивую коробку с конструкторским набором, сделанным в ГДР.

– Ему должно понравиться, – согласился я с его выбором. – У меня в детстве было две страсти: конструкторы и игра в солдатики.

Волчатников улыбнулся, мы пожали друг другу руки, и он пошел в брюхо транспортного самолета по спущенному трапу.

– Вам замполитам положен отдых или расслабляетесь на боевом посту? – спросил меня Приходько, подходя сзади. От его технички пахло не привычным керосином, а едкими химическими веществами.

– Ты что, газовую атаку устраивал? – спросил я его в свою очередь.

– Пришлось погонять своих оболтусов. Я им тренировку с хлорпекрином устроил, чтобы проверить противогазы. Представляешь, этот хитрован Гунько вылетел из палатки как пробка. Он решил сачкануть и открыл трубку от коробки противогаса, думал, что я шучу. Но не тут-то было. Я бросил им в палатку шапку, и он запрыгал как вошь на печи. Вот хитрый хохол! Кстати, – продолжил он без всякой связи, – в столовой новая девчонка появилась, Илоной зовут.

– Знаю, уже с ней познакомился.

– Близко?

– Ну не так как ты думаешь – чисто служебный разговор. Я же замполит, должен знать кадры.

– Ага, – поддел меня Приходько, – вечно пьяный, вечно сонный замполит авиационный.

– Хочешь о прапорах услышать? – приготовился парировать я.

– Да нет! – широко улыбаясь, произнес Вова и плотоядно усмехнулся: – Между прочим, в полку есть некоторые технари, говорят, пока всех баб здесь не попробуют – не успокоятся.

– Ну, я не многостаночник.

– Понимаю, ты однолюб и будешь хранить верность своей Лидии до седых волос, если они у тебя к этому времени останутся, а не растеряются на чужих подушках.

Пока мы подкалывали друг друга, серебристые винты транспортника пришли в движение, постепенно набирая обороты, и вскоре стали почти прозрачными, превратившись в круги правильной формы. Они с грохотом рвали встречный воздух, заставляя трястись грузное тело лайнера. Но вот он начал неторопливый разбег по полосе, всё более ускоряясь, пока не оторвался, наконец, от земли и, словно усталая птица, медленно пополз ввысь. Голубое небо вобрало в себя, втянуло, зеленый силуэт самолета, и растворила его весь, без остатка.

Мне стало грустно оттого, что улетел Волчатников. К Лиде идти не хотелось. Напиться что ли? Взяв томик стихов Анненского, который оставил мне комэска, я пошел в свой барак и устроился на кровати, потягивая пиво.

Анненский мне понравился. Его стихи проникали вглубь души, мысли об одиночестве были созвучны. Так я лежал и читал, отрешившись от окружающего мира. Аэродром, солдаты, бараки – все это было не здесь, вдалеке, там, где меня не было.

Примерно около семи вечера над аэродромом, словно отзвуки дальней грозы, раздался шум от движков реактивных самолетов. Пришел Винник и по привычке разглаживая усы, сообщил, что приземлился полк перелетчиков, переправлявших МИГ-25 в Афганистан.

От нечего делать я прогулялся на аэродром. МИГи выглядели приличнее наших «Сушек». Выкрашенные снизу в голубой, а сверху в темно – зеленый цвет, они действительно представляли собой грозное оружие и насколько я знал, хорошо показали себя в горах Афганистана.

Солдат пришлось потеснить, расставить в нашем бараке дополнительные койки для летчиков и техников полка. Идти им было особо некуда – до города далеко, а местные дамы оказались все заняты, поэтому гулять начали здесь же, в бараке, разливая разбавленный спирт в солдатские железные кружки. К вечеру некоторых потянуло на подвиги.

Где-то около часа ночи в нашу комнату вошел дневальный и разбудил меня, сообщив, что вызывают к телефону. Приходько мирно похрапывал в своей кровати, а кровать Тернового была как всегда пуста – правда, на этот раз он ночевал в Калитве у жены.

Испуганный женский голос сказал по телефону:

– Товарищ замполит, это из столовой, Илона. Здесь под окнами пьяные какие-то и хотят залезть сюда. Я сегодня дежурю, не могли бы вы подойти?

– А где дежурный по столовой? – спросил я, стряхивая остатки сна.

– Не знаю, но его здесь нет.

– Хорошо, сейчас буду.

Я набросил на себя техническую куртку, взял фуражку и пошел в теплую темноту. От фонарей падал неровный свет на песчаную дорожку. Было тихо, почти беззвучно. Даже сверчки не нарушали покой южной ночи. Я увидел, как вдалеке промелькнула серая тушка крысы, скрывшаяся под солдатским баракком и всё, больше ничего и никого. Временами эту тишину нарушал пьяный гомон голосов, доносившихся со стороны аэродрома, там весело пиликала гармошка, звучал призывный женский смех. Видимо кто-то из перелетчиков вез гармонь с собой.

Возле столовой было тихо, в окне ни одного огонька. Я постучал в деревянную дверь и услышал торопливые шаги.

– Кто там? – раздался несколько испуганный женский голос, в котором я узнал голос Илоны.

– Это я, Лихачев.

Мне было смешно от этой ситуации. «Наверное, она всё выдумала», – решил я. Стало скучно дежурить одной, да еще ночью, вот и захотелось мужской компании. Может я ей приглянулся, потому вызвала меня, а не кого-то другого. Такое бывает, когда хочется познакомиться поближе с кем-нибудь, вот и ищешь удобный предлог.

Дверь со скрипом отворилась, показалось освещенное луной бледное лицо девушки, её испуганные глаза. Илона, действительно, испугалась. Теплые руки взяли меня за локоть и повлекли вглубь длинного коридора внутри здания, белеющего свежей побелкой. При этом девушка не забыла захлопнуть дверь и закрыть её на засов.

Мы шли по залу летной столовой, залитому серебристым лунным светом, без помех пробивавшемся сквозь большие оконные стекла.

Комната, где коротала ночь Илона, оказалась небольшой, совсем крохотной, и находилась неподалеку от варочного зала – типичное подсобное помещение. Старая настольная лампа, стоявшая на тумбочке, несмотря на разбитый плафон, по-прежнему рассеивала свет. В углу стояла солдатская кровать, на которой лежал матрац, аккуратно заправленный одеялом. Подушки на ней не было.

Где-то тихо и монотонно капала вода из крана. Обычный запах столовой, в котором перемешалось все, словно в перегаре старого алкоголика: и тяжелая вонь дневной пищи, и смрад от прогорклого жира, и душок от нагретого на сковороде растительного масла, перебивался тонким ароматом духов, доносившихся от девушки. От неё пахло нежной и чудной свежестью сирени. Вместе с тем, мне вдруг показалось, что я чувствую и другой запах, похожий на запах спирта, вероятно, она выпила для храбрости. Движенья её были расслаблены, глаза странно блестели в неярком свете ночника.

Мы стояли и молчали некоторое время, не отрывая взглядов, словно погружаясь друг в друга незримыми лучами глаз, как написал бы Анненский.

– Что случилось? – наконец, спросил я.

– Пьяные здесь у здания ходили, стучались. Я испугалась. Садитесь сюда! – она показала мне на деревянный стул возле кровати.

Я покорно сел, словно мною управляли неведомые силы, жестко диктовавшие свою волю и не оставившие возможности к сопротивлению. В горле пересохло, как бывает иногда в предчувствии близости с незнакомой девушкой или женщиной, а сердце сошло с ума, развив неральную частоту пульсации. Бам! Бам! Бам! Мощные удары в груди отбивали ритм точно африканские барабаны: громко, четко и резко. Казалось, что их звук долбится в уши, проникает в мои вены, в мою кровь.

Всё также молча, не говоря ни слова, Илона, будто гибкая кошка, потянулась в настольной лампе и погасила её. Наступил мрак, и темнота совсем не разделила нас, а, казалось, наоборот, сблизила. Я почувствовал рядом её теплое дыхание, нежно коснувшееся моей шеи и лица. Руки невесомо легли на мои плечи, и она села на меня сверху, отчего ладонями я сразу нащупал её круглые, прохладные колени.

– Сейчас, сейчас, – прошептала она, щекотно касаясь губами моих ушей.

Однако я, к своему удивлению, обнаружил полное отсутствие эрекции, как сказали бы медики. Такое бывает сплошь и рядом, но со мной – никогда. То ли излишнее волнение, то внезапные ненужные мысли... «Может, просто устал, – пронеслось в голове, – ведь все наши желания, вся эта эротика, секс – всё это в мозгу».

Пальцы Илоны еще какое-то время ласкали меня. В темноте девушка наклонилась, и я вновь ощутил её губы возле своего уха:

– Это ничего, – прошептала она, словно прошелестел легкий ветер, – это бывает! – Её руки легли мне на затылок, она стала гладить волосы, как будто была экстрасенсом и пыталась дать моей душе умиротворение. – Мы попробуем в другой раз. Ведь нам ничего не мешает.

Потом я почувствовал, как она легко поднялась, зашуршала в темноте, загорелся ночник. Девушка поправила растрепавшиеся волосы, села на кровать и, улыбаясь, немного смущенно спросила:

– Я тебе нравлюсь? Может всё дело во мне, и я поторопилась? Не нужно, наверное, было спешить. Но ты мне так понравился...

Я увидел, как её глаза налились влагой, набухли, как капельки дождя, перед тем как сорваться с крыши и упасть на землю, разлетаясь на мелкие частички.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.